

Генезис и конституция intersубъективности у Фихте и Гуссерля

...через обусловленный синтез впервые возникает для нас Ты... От продукта этого... синтеза можно теперь, без сомнения, отвлечься; ибо то, что мы сами синтезировали, мы, разумеется, можем снова подвергнуть анализу.

И.Г. Фихте

Без Ты нет Я; без Я нет Ты.

И.Г. Фихте

Моя пассивность состоит в связи с пассивностью других.

Э. Гуссерль

Кажется перспективным понимать Наукоучение Фихте не как метафизическую систему, а как «генетический опыт» сознания. Основания к этому дает сам Фихте, считающий одной из основных своих задач преодоление «агенетизма кантовской философии» и напрямую приравнивающий (в Наукоучении 1804(2) года) ключевое для него понятие «Дело-действие» к понятию «генезис»¹. При такой интерпретации становятся заметны многочисленные точки соприкосновения Наукоучения Фихте и феноменологии Гуссерля. Причем, предлагаемое сравнение может быть направлено не на перетолкование Наукоучения в феноменологических терминах, а на отслеживание проработанных Фихте стратегий трансцендентального мышления. Вполне очевидна близость конститутивной проблематики ранних версий Наукоучения (до 1800 года) и трансцендентальной феноменологии (периода «Идей»). Однако, не менее значительный интерес представляет сопоставление «генетических структур» Наукоучения Фихте и поздней феноменологии Гуссерля: спонтанного полагания и работы пассивных синтезов. Сложности, возникающие в феноменологии при удостоверении пассивных структур сознания, делают крайне востребованным введенное Фихте представление о «генетической очевидности».

Одной из ключевых точек соприкосновения Наукоучения и поздней феноменологии является соотношение моментов конституирования intersубъективности и генезиса intersубъективности. Конституирование в отношении феномена (и принадлежащего ему горизонта) предполагает непосредственную активность трансцендентального субъекта. Но когда речь идет о «происхождении», разворачивании структур этой трансцендентальной intersубъективности возникает понятие генезиса (в этом смысле становится возможно говорить о генезисе конституции и «пассивном конституировании»). Генетическое рассмотрение требует дополнительного «шага назад», прослеживания той конституции, в отношении которой сам субъект является продуктом. Можно говорить о конституции intersубъективности в той степени, в какой субъект определяет ее качества. О генезисе же intersубъективности можно говорить настолько, насколько сам субъект складывается как результат этого процесса. В отношении любой конститутивной проблематики возможно генетическое прояснение².

¹ Приводится по: *Мурский В.В.* Учение о нравах и Наукоучение как единая система знания. С.35

² Основания к разведению генетической и конститутивной проблематики дают, в частности, рассуждения Р. Ингардена в комментариях к «Картезианским размышлениям». См. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. // *Гуссерль Э.* Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; и другие работы. М., 2000. С.540

I.

Как кажется, у Фихте можно выделить два способа рассмотрения интерсубъективности: различающий (*аналитический* или «генетический») и отождествляющий (*синтетический* или «конститутивный»).

I. а) В первом случае, Фихте относит происхождение Другого субъекта к самоограничивающему побуждению лежащему в основе ограниченного Я. Это внутреннее побуждение размечает трансцендентальное поле, различая Меня и Другого. По Фихте самоограничивающее противопоставление продолжает формирование ограниченного Я. Другой выступает как к «внутреннее требование», необходимое условие субъективности. Важно то, что эта очевидность необходимости Другого принципиально отличается от очевидности апперцепции, она имеет скорее «нормативную» форму: «Кроме полагания Я через самого себя, *должно существовать* еще некоторое полагание»³. Фихте здесь пытается установить некие основания эгологического генезиса лежащие вне пределов непосредственного усмотрения: «Для того, как Я может отличать от себя что-нибудь, нельзя привести никакого высшего основания возможности; различие это, наоборот, само лежит в основании всякого выведения и всякого обоснования»⁴. Генетически субъективное укоренено в интерсубъективном.⁵

I. б) Во втором случае, Фихте описывает возникновение Другого как синтез ограниченного Я (положенного абсолютным Я) и чистой объектности («Оно», не-Я – противопоставляемого). Однако, результат этого «обусловленного синтеза» положен не абсолютным образом – может быть вновь разложен на исходные элементы. («...через этот обусловленный синтез впервые возникает для нас Ты... От продукта этого... синтеза можно теперь, без сомнения, отвлечься; ибо то, что мы сами синтезировали, мы, разумеется, можем снова подвергнуть анализу»⁶). Такой синтетический подход наоборот указывает на производность интерсубъективного горизонта от конститутивной активности Я.

³ Фихте И.Г. Основа общего Наукоучения // Сочинения в двух томах, Т.1, С.250

⁴ Там же.

⁵ По аналогичной схеме у Фихте происходит и дальнейшая «конкретизация» Я – формирование индивидуальности (т. е. эмпирической субъективности).

⁶ Фихте И.Г. Второе введение в Наукоучение, для читателей, уже имеющих философскую систему // Сочинения в двух томах, Т.1, С.529; Целиком этот фрагмент, описывающий синтез интерсубъективности таков: «Яйность (обращающаяся на самое себя деятельность, субъект-объектность или как угодно иначе) первоначально противопоставляется Оно, чистой объектности; и полагание этого понятия - абсолютно, не обусловлено никаким другим полаганием, тегично, а не синтетично. Найденное в нас самих понятие яйности переносится на нечто, в этом первом полагании положенное как некоторое Оно, как чистый объект, как нечто вне нас положенное, и синтетически с ним соединяется; и через этот обусловленный синтез впервые возникает для нас Ты. Понятие Ты возникает через соединение Оно и Я. Понятие Я в этом противопоставлении, т. е. как понятие индивидуума, есть синтез Я с самим собой. В описанном акте не полагающее себя вообще, а полагающее себя как Я есмь я; а положенное в том же акте как Я, через меня, а не через себя, есть ты. От этого продукта некоторого подлежащего изложению синтеза можно теперь, без сомнения, отвлечься; ибо то, что мы сами синтезировали, мы, разумеется, можем снова подвергнуть анализу; и то, что останется после этого отвлечения, есть Я вообще, т. е. не-объект». Там же.

II.

У Гуссерля тоже можно найти несколько стратегий понимания оснований intersубъективности.

II. б) Гуссерль идет по конститутивному пути, описывая в пятом «Картезианском размышлении» акт аналогизирующей апперцепции. На тело возможного Другого переносится интенциональная модификация собственного Я (Эго Другого может быть представлен по аналогии с прошедшими временными фазами моего эго). Проблема здесь заключена в принципиальной несамоданности опыта Другого и (также как и в случае синтетического подхода Фихте) его производности от исходного Я.

II. а) Однако, в поздних рукописях Гуссерль появляется некое «абсолютное Я», которое «содержит в себе бытие собственного и другого Я»⁷. Т. е., он указывает на незамеченный ранее прото-слой, участвующий в генезисе intersубъективности. Гуссерлю кажется возможным говорить о Прото-Я, предшествующем разделению на Я и Другого, о некой квази-эгологической конфигурации субъективности. А значит, на уровне прото-эгологического слоя можно не только говорить о «генетическом равноправии» Я и Другого, но и предполагать intersубъективную среду формирования Я. При этом Гуссерль намечает ход через intersубъективную темпоральность, указывая, что время есть форма любого эгологического генезиса. Пассивная конституция intersубъективности сближается с генезисом временных структур сознания. («Моя пассивность состоит в связи с пассивностью других: Один и тот же вещный мир конституирован для нас, одно и то же время...»⁸; «...изначально учреждено сосуществование моего Я (и моего конкретного *ego* вообще) и «другого» Я, моей и его интенциональной жизни, моих и его *реальностей*, короче говоря, изначально учрежденной оказывается некая общая временная форма...»⁹). Также как Прото-Я, по-сути, является до-эгологической формой сознания, абсолютный временной поток, в сущности, пре-темпорален. В точке «Я первоначального течения потока» сходятся два прото-феномена, причем это происходит на некоем до-рефлексивном уровне, где «прямая очевидность» невозможна. В таком до-рефлексивном и до-темпоральном слое нет приоритета моего эго перед Другим. Т. е. в этой первичной неразличности заложена некая анонимную intersубъективность, предшествующая всякой идентификации.¹⁰

⁷ Цит. по: Борисов Е. «Проблема intersубъективности в феноменологии Э. Гуссерля». // Логос 1991-2005. Избранное. сс. 165-166

⁸ *Husserliana* XI, p. 343; Приводится по: Rodemeyer L.M. *Intersubjective Temporality*. Dordrecht, 2006, p.112

⁹ «Картезианские размышления». Указ изд. С. 485

¹⁰ По этому поводу см. Mickūnas A. *History: the problem of individuation* // *Filosofija. Sociologija*. №3.2006. pp.2-8

III.

Мы видим, что и в рамках феноменологии Гуссерля, и в рамках Наукоучения Фихте наряду с конститутивной стратегией рассмотрения intersубъективности присутствует и другое, генетическое рассмотрение. Если для конститутивного подхода принципиальны *автономность* и активность Я, то для генетического подхода, наоборот, представляют интерес *включенность* Я, его пассивные структуры. Т. е. во втором случае источник генезиса intersубъективности лежит «до» или «вне» эго. Проработка пассивного уровня («генетического слоя») предполагает позицию включенности, апелляцию к «генетической очевидности».

Тот факт, в рамках исследования intersубъективности Фихте и Гуссерль начинают с разных способов ее рассмотрения (хотя, в итоге, прорабатывают оба) может объясняться «зеркальностью» их стратегий. (Можно предположить, что они движутся к одному с разных сторон: первый – дедуцируя, второй – редуцируя¹¹). Такая «сходимость» методологий трансцендентального рассмотрения открывает возможность их взаимной интерпретации.

¹¹ По этому поводу см. *Lahbib O. La liberte dans la perception chez Husserl et Fichte // Husserl Studies №21, 2005. p. 207*